

Годъ изданія девятый.

СЕНТЯБРЬ.

№ 21.

1916.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

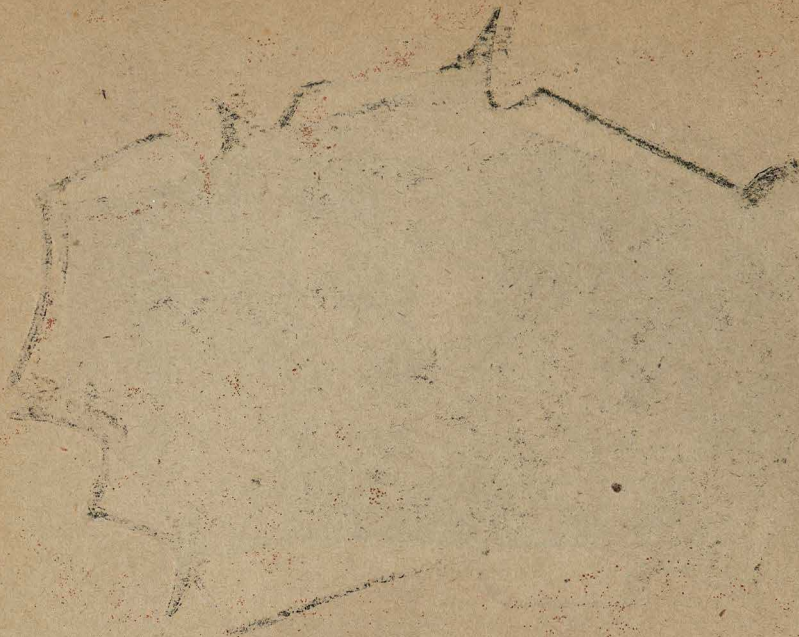
СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ГОРОДѢ (стих.).
НА ОДИНОКОЙ СКАЛѢ.
ПРОШЛО ЛѢТО!.. (стих.).
ЗА ТАИНСТВЕННОЙ ДВЕРЬЮ (по-
вѣсть).
ТУМАНЪ (сказка).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

„Кушай на здоровье“—картинка.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ASTEN LENOX TILDEN FOUNDATION

LIBRARY

NEW YORK

1897

NEW YORK

NEW YORK

NEW YORK

NEW YORK

NEW YORK

NEW YORK

NEW YORK

NEW YORK

№ 21. Сентябрь. 1916. Годъ изданія IX-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Гнѣздышко.

ВЪ ГОРОДѢ.

Августъ хмурый затянулся,
По утрамъ бывалъ морозъ
И съ вещами потянулся
Съ дачи въ городъ грузный возъ.

Вотъ и городъ!... Грязно, сыро...
Всѣ чужіе... Суета...
Вотъ и прежняя квартира,
Нѣтъ двора и тѣснота.

Все кругомъ не такъ, какъ было,
Все тоскливо для ребятъ,
И по комнатамъ уныло
Они бродятъ и хандрятъ.

Кузнечикъ.

НА ОДИНОКОЙ СКАЛѢ.

Была осень. Мы жили на берегу моря и я помню, какъ весь день и всю ночь напролетъ дулъ неистовый вѣтеръ и ревѣли волны. Отецъ и мать встревоженно посматривали въ окна и вопросительно между собою переглядывались. А затѣмъ, когда я проснулся среди ночи, то видѣлъ, какъ бабушка и мать молились на колѣняхъ и какъ все окошко было красное отъ горѣвшаго на берегу костра. По прежнему гудѣлъ вѣтеръ и шумѣло море. Вошелъ вдругъ отецъ и сказалъ, что около нашихъ береговъ, въ темнотѣ ночи, погибаетъ какой-то корабль. Я хотѣлъ было вслушаться въ его слова, но мнѣ очень хотѣлось спать, сонъ одолѣлъ меня,—и я заснулъ опять.

Когда я проснулся, то было уже свѣтло. Было тихо и свѣтило яркое солнце. Я вспомнилъ о томъ, что говорилъ ночью отецъ, и выбѣжалъ на улицу. Море еще волновалось, но буря уже миновала и далеко отъ берега, на камняхъ, сидѣлъ бочкомъ чей-то потерпѣвшій крушеніе корабль. Пассажировъ на немъ уже не было. Тутъ же, на берегу, стояла кучка нашихъ односельчанъ и разговаривала между собой о томъ, что никто изъ людей съ этого корабля не спасся и что по всей вѣроятности это судно „Святой Маркъ“, такъ какъ наши рыбаки только наканунѣ видѣли его готовымъ къ отплытію въ ближайшемъ портѣ. Мы, мальчуганы, прислушивались

къ ихъ словамъ и насъ такъ и подымвало разсѣросить у нихъ о подробностяхъ и узнать въ точности, какъ погибало это судно. Но мы не смѣли. А затѣмъ, какъ это всегда бываетъ послѣ большой бури, наступила превосходная, почти лѣтняя погода и мы, малыши, цѣлые дни стали проводить на берегу. И всякій разъ какъ мы поднимали наши головы, передъ нами всегда появлялось сидѣвшее на камняхъ несчастное судно и наводило насъ на воспоминанія о той бурной ночи. Однимъ словомъ, куда-бы мы ни шли, во что-бы мы ни играли на берегу, наши взоры вѣчно обращались въ сторону „Святого Марка“. Судно сидѣло на камняхъ безнадежно, было брошено на произволъ судьбы и уже не принадлежало никому.

И вдругъ мнѣ въ голову пришла сумасбродная мысль.

— А что, братцы, обратился я къ товарищамъ,—не прогуляться-ли намъ къ „Святому Марку?“

— Но вѣдь это такъ далеко... отвѣтили они. — У самыхъ дальнихъ камней... Конечно, это было бы очень интересно, но... для поездки туда понадобилась-бы лодка...

— А что-жъ такого? возразилъ я.—Дядюшка Григорій всегда даетъ мнѣ свою лодку, когда я хочу ловить рыбу! Сегодня онъ цѣлый день просидитъ дома и не отправится на ней на ловлю. Хотите, я возьму ее?

У нѣкоторыхъ мальчиковъ, засверкали отъ удовольствія глаза, но одинъ изъ нихъ, блѣднотлицый Андрюша, резонно замѣтилъ:

— А что если насъ захватитъ въ морѣ буря?

— Чепуха, не захватитъ! отвѣтилъ я.—Сегодня ясный день и вѣтра не будетъ!

— Но вѣдь теперь осень и погода ненадежна, продолжалъ упираться Андрюша.

Я пожалъ плечами.

— Кто-жъ тебя неволитъ? продолжалъ я.—Не хочешь—такъ и не надо! Мы можемъ отправиться и безъ тебя. Ты всегда былъ трусомъ!

Андрюша обидѣлся и отошелъ къ сторонкѣ. Но, повидимому, ему стало стыдно своего малодушія и онъ тотчасъ-же возвратился къ намъ обратно. Ко мнѣ присоединилось еще трое другихъ.

— Да, да! воскликнули они.— Это такъ хорошо! Это будетъ такъ интересно! Поѣдемте туда всѣ!

Я отправился къ лодкѣ дядюшки Григорія, но увы!—тамъ ея уже не было. Очевидно, я ошибся и проглядѣлъ, какъ дядюшка Григорій отправился въ море самъ. Дѣлать было нечего и мы рѣшили выполнить нашъ планъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней, а до того времени держать его въ полномъ секретѣ. Мы знали, что наши родители не отпустили-бы насъ ни за что.

Прошло два дня. Утро было по прежнему ясное и теплое, хотя на сѣверо-востокѣ и поднимались подозрительныя облака. Потягивалъ вѣтерокъ. Я сбѣжалъ къ берегу и увидѣлъ, что лодка дядюшки Григорія была уже на мѣстѣ. Съ радостнымъ сердцемъ я сбѣгалъ за товарищами и позвалъ ихъ на берегъ.

— Ъдемъ! Пора! заговорилъ я.— Садитесь скорѣе въ лодку всѣ, а то родители насъ задержутъ!

Я, Коля, Петя, Степа и Андрюша прыгнули въ лодку и взялись за весла.

— И я, и я! слышался вдругъ голосокъ.— Возьмите на „Святого Марка“ и меня!

Это была маленькая дѣвочка Катя. Какимъ-то образомъ она подслушала нашъ разговоръ и теперь всѣ мы были въ ея власти. Если мы ее не возьмемъ съ собою, то она тотчасъ-же выдастъ нашъ секретъ, а если возьмемъ, то она насъ можетъ стѣснить. Какъ же быть?

— Что-же ты, Катька, будешь тамъ дѣлать? съ горечью спросилъ я.— Вѣдь мы большіе, а ты маленькая!

— Я буду тамъ играть въ прятки... наивно отвѣтила дѣвочка.

Дѣлать было нечего и пришлось брать съ собою и ее.

— Ну, садись! сказалъ я съ неудовольствіемъ.— Влѣзай въ лодку! Какъ я не люблю у себя на борту женщинъ и дѣтей!

Катѣ было всего семь лѣтъ. Она лукаво улыбнулась и показала мнѣ языкъ. Все лицо ея такъ и говорило:— „А вотъ если-бы ты мнѣ отказалъ и не взялъ съ собою, то я тотчасъ-же разболтала бы о вашей поѣздкѣ всѣмъ!“

Петя и Степа возражали, просили меня, чтобы я ея не бралъ, но что я могъ сдѣлать? Мы всѣ были въ ея власти и волей-неволей приходилось примириться съ обстоятельствами.

— Да садись-же скорѣй! крикнулъ я на нее.— Возишься тутъ!..

Она влѣзла въ лодку, мальчики взялись за весла, а я, какъ старшій, сѣлъ у руля. Катя вдругъ заплѣла: „Покинулъ страну я родную, покинулъ ее навсегда“... Эта плѣсня вдругъ пробѣжала для насъ мрачнымъ облачкомъ и на минуту смутила насъ.

— Замолчи сейчасъ-же! крикнулъ я ей.— Чего орешь?

Она дико посмотрѣла на меня и смолкла.

— Впередъ! скомандовалъ я.

Мальчики взмахнули веслами и мы отчалили отъ берега. Скорѣе береговые камни остались позади насъ и съ каждымъ всплескомъ весла о морскую зыбь мы все дальше и дальше отплывали отъ родного берега. Скала, на которую засѣлъ „Святой Маркъ“, все приближалась къ намъ и наконецъ мы уже ясно могли разсмотрѣть пострадавшее судно. Оно уже было

разбито волнами пополамъ и, осѣвши назадъ, высоко поднимало кверху носъ. И чѣмъ ближе мы подплывали къ нему, тѣмъ наше нетерпѣніе становилось все сильнѣе и сильнѣе.

— Скорѣй! Скорѣй! торопиль я. Мальчикамъ тоже поскорѣе хотѣлось попасть на корабль и они гребли, насколько хватало у нихъ силъ.

Мы подплыли наконецъ къ судну и, сторая отъ нетерпѣнія, выскочили изъ лодки и взобрались всѣ на него. Я подаль Катѣ руку, мы посадили ее и не прошло и двухъ минутъ, какъ всѣ мы уже бѣжали по палубѣ уцѣлѣвшей половины корабля и намъ уже казалось, что мы попали на необитаемый островъ, что всѣ мы—Робинзоны и что для насъ должна была начаться новая, полная интересныхъ приключеній жизнь.

— А въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ вдругъ Андрюша,—давайте здѣсь играть въ прятки!

На кораблѣ столько было мѣстъ, куда можно было спрятаться, что всѣ мы тотчасъ же согласились и принялись за игру.

Какъ вдругъ послышался чей-то крикъ, который заставилъ меня вздрогнуть.

— Это Коля! обратился ко мнѣ Степа.—Это его голосъ! Пойдемъ поглядимъ!

Я вышелъ изъ своей засады и побѣжалъ на голосъ.

Коля стоялъ у борта, махалъ обѣими руками и въ страхѣ звалъ къ себѣ.

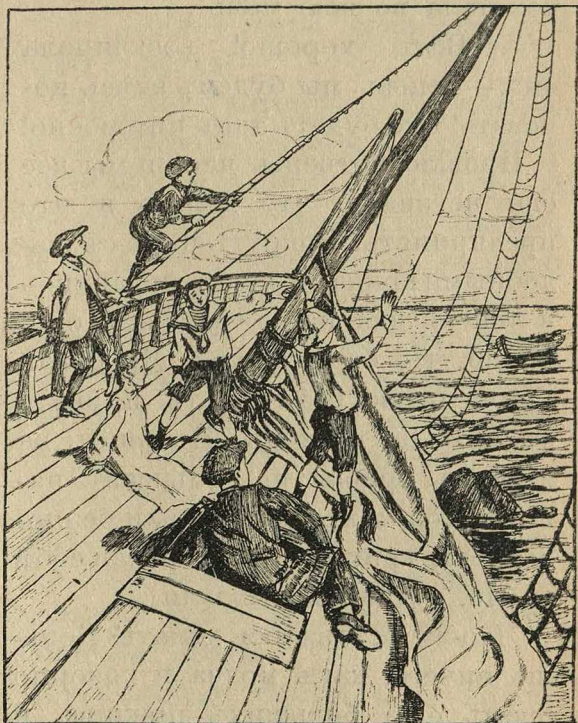
— Идите сюда скорѣй! кричалъ онъ.—Глядите сюда! Что мы будемъ теперь дѣлать?

— Что такое? испугался и я.— Что случилось?

Онъ указалъ рукою на море.

— Наша лодка отвязалась и уплыла! крикнулъ онъ.—Какъ мы теперь возвратимся домой?

Я посмотрѣлъ по его указанію. Дѣйствительно, лодка дядюшки Григорія была уже настолько далеко отъ нашего судна, что казалась уже темной точкой. На нашъ крикъ выбѣжали изъ своихъ нороевъ всѣ

Наша лодка отвязалась и уплыла! крикнулъ онъ.

остальные и стали громко плакать. Я хотѣлъ-было ихъ успокоить, но случайно поглядѣлъ наверхъ — и у меня сразу-же похолодѣло подъ сердцемъ: пока мы играли, солнце скрылось и темная, не предвѣщавшая ничего хорошаго, туча затянула собою все небо. Все море какъ-то сразу побурѣло и на всемъ его пространствѣ стали подпрыгивать барашки. Начался приливъ. „Если мы не уберемся отсюда во-время, думалъ я, — то приливъ станетъ еще больше и насъ зальетъ на этихъ обломкахъ „Святого Марка“ волнами“. Я вздыхалъ и не зналъ, что дѣлать, мои мальчики плакали, а ничего не подозрѣвавшая, невинная Катя хохотала во всю мочь.

— Вотъ хорошо! восклицала она.—Теперь мы будемъ здѣсь ночевать! Это будетъ такъ интересно!

Прошло четверть часа и мы все еще не знали, что дѣлать и что предпринять. Вокругъ насъ съ жалобными криками залетали чайки — и теперь для насъ уже было очевидно, что будетъ буря. Мы стали кричать изо всѣхъ силъ и звать къ себѣ на помощь. Но никто за шумомъ прибоя не услышалъ нашихъ голосовъ, мы поняли бесполезность криковъ, — надорвали себѣ грудь, устали и смолкли.

Что-же оставалось дѣлать? Больше ничего, какъ молча и покорно ждать еще большихъ прилива и бури и смиренно встрѣтить смерть.

Во всякомъ случаѣ, если-бы и хватились насъ на берегу и догадались-бы, что мы сейчасъ на погибшемъ суднѣ, то все равно до прибытія первой помощи намъ пришлось-бы ожидать цѣлые два часа, а за это время могло-бы многое перемѣниться къ худшему и окончиться для насъ болѣе, чѣмъ плачевно.

— Но что-же дѣлать? Что дѣлать? ломалъ я себѣ руки.—Какъ дать о себѣ знать?

И въ отчаяніи мы влѣзли всѣ на уцѣлѣвшій капитанскій мостикъ и стали искать на немъ спасенія. Волны прилива уже заливали палубу и это мѣсто было единственнымъ нашимъ убѣжищемъ. Я взялъ Катю на руки, а ей было по прежнему очень весело и она громко распѣвала. Я прижималъ ее къ себѣ, глядѣлъ на своихъ товарищей и на бушевавшее уже море и тутъ только понялъ и созналъ всю свою вину передъ этими довѣрчивыми, отдавшими мнѣ юными мореплавателями.

— Какой я дуракъ!.. шепталъ я въ отчаяніи.—Ахъ, какъ глупо я поступилъ!

Поднялся холодный, рѣзкій вѣтеръ и сталъ насъ обдувать. Намъ сдѣлалось холодно. Волны положительно обрушивались на корабль и онъ дрожалъ отъ нихъ и крихталъ, какъ безпомощный старикъ. Теперь уже вся палуба была залита водой, волны подбирались

уже и къ капитанскому мостику и мы чувствовали на своихъ ногахъ соленыя брызги. Дрожа отъ холода и отъ страха, мы прижались, какъ котята, одинъ къ другому и старались согрѣться другъ отъ друга. Теперь уже море ревѣло, какъ и въ ту ночь, когда „Святого Марка“ выбросило на эту несчастную скалу. Что оставалось дѣлать?

Коля и Петя плакали. Андрюша звалъ къ себѣ отца, Степа угрюмо молчалъ. Какъ вдругъ разрыдалась и Катя и стала кликать къ себѣ свою мать.

— Мама! Мама! кричала она изъ всѣхъ силъ и не желая понимать ничего.—Я хочу домой! Отвезите меня скорѣй домой!

Я еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ и чтобы хоть какъ нибудь развлечь ее и товарищей — какъ это глупо! — сталъ рассказывать имъ какую-то нелѣпую сказку. Но это у меня не вышло и я скоро замолкъ.

Сталъ спускаться вечеръ. Слѣдовательно, скоро должна была наступить и ночь. Но что это будетъ за ночь? Боже мой, если мы уцѣлѣмъ еще до утра, то какъ она покажется намъ долга?

— Давайте молиться! сказалъ Андрюша.

Мы подняли глаза кверху и стали молиться. Затѣмъ Катя заснула у меня на рукахъ и вслѣдъ затѣмъ лучъ надежды проглянулъ къ намъ

съ вышины: сквозь разорвавшуюся тучу на минуту блеснула намъ луна. Я заглядѣлся на нее, руки у меня ослабѣли, отекли и разжались сами собой. Случилось то, чего я меньше всего ожидалъ: Катя выскользнула у меня изъ рукъ и упала въ воду. Я испугался, сталъ кричать, а она молча барахталась и протягивала ко мнѣ руки.

— Ее надо спасти! закричалъ я. — Держите меня! Беритесь всѣ за руки и не выпускайте меня!

Мы всѣ схватились за руки и образовали собою живую цѣпь. Я бросился въ воду и, держась за эту цѣпь, поймалъ Катю свободной рукой. Счастью моему не было границъ.

— Тяните насъ! крикнулъ я. — Она спасена!

Мальчики потянули меня и скоро я снова выбрался на мостикъ. Дѣло окончилось благополучно, но за то какъ мы всѣ промокли! На мнѣ и на Катѣ положительно не было ни одной сухой нитки и я стучалъ зубами, какъ въ лихорадкѣ. Силы уже оставляли насъ всѣхъ. Намъ хотѣлось въ тепло, я съ такою радостью раздѣлся-бы и, бросившись въ теплую постель, укрылся-бы съ головою одѣяломъ. Но это было уже невозможно. Я поднималъ глаза къ небу и сталъ молиться опять.

— Господи, шепталъ я, — спаси насъ! А если нужно, чтобы кто-нибудь изъ насъ пострадалъ, то

Холодно...

накажи меня одного! Я такъ виновать передъ Тобой и передъ людьми!

сторгомъ Степа.—Огонь! Насъ хватились дома и ищутъ!

И мы стали всѣ кричать такъ,

Спасли!

И вдругъ въ темнотѣ ночи, далеко-далеко, заблистала на волнахъ огонекъ.

Огонь! воскликнулъ съ во-

что, казалось, могла разорваться наша грудь.

Насъ услышали издалека, потому что мы увидѣли, какъ фонарь

запрыгаль въ воздухѣ. Очевидно, имѣ махали намъ въ отвѣтъ, чтобы дать намъ этимъ понять, что идутъ къ намъ на помощь.

— Сюда! Сюда! закричалъ я, едва дыша отъ радости.—Мы здѣсь! Мы всѣ живы и ждемъ васъ!

Прошли томительныхъ полчаса, которыя показались намъ цѣлымъ годомъ. Затѣмъ въ темнотѣ обрисовался баркасъ, на носу котораго стоялъ фонарь и освѣщалъ лицо моего отца. А затѣмъ я ужъ и не помню, какъ все произошло. Я помню только, какъ меня стаскивалъ кто-то съ мостика, какъ я не могъ разжать рукъ и выпустить изъ нихъ Катю и какъ потомъ кто-то меня раздѣвалъ, растиралъ уксусомъ съ водкой, лилъ мнѣ въ ротъ горячій чай и укрывалъ теплымъ уютнымъ одѣяломъ.

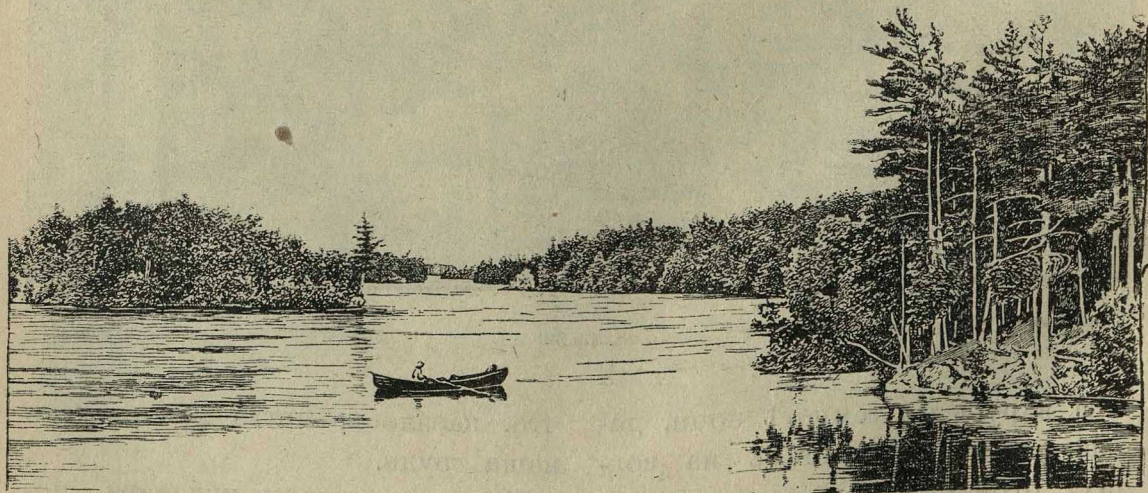
Значить, мы вернулись домой. О, какъ я почувствовалъ себя тогда

хорошо и какимъ прекраснымъ показался мнѣ тогда нашъ домъ! Отецъ и мать ходили около меня, старались сдѣлать для меня то одно, то другое и ихъ ласкамъ не было конца. Мать утирала слезы кончиками своего чепца, а отецъ улыбался и говорилъ:

— Ничего, ничего!.. Это пройдетъ! Слава Богу, что все кончилось такъ хорошо! Теперь нашъ Вася понялъ, какъ много значить для него родная семья! Счастье, какъ здоровье: когда его не чувствуешь, то, значить, оно есть. Онъ не чувствовалъ его, и вотъ теперь оно покажется ему вдвое больше, чѣмъ было!

Я слушалъ его, вполне соглашался съ нимъ, мнѣ хотѣлось вступить съ нимъ въ разговоръ, но глаза мои закрылись, я повернулся на бокъ, укрывшись съ головой и крѣпко заснулъ.

Гіальмаръ.

Въ Финляндіи.

ПРОШЛО ЛѢТО!..

Идутъ дожди... Что день, то хуже.
 Совсѣмъ погода ужъ не та,
 И отъ осенней, острой стужи
 Дохнешь—и паръ идетъ изъ рта.
 Замолкло все кругомъ въ природѣ,
 Ужъ птицъ неслышно, не поютъ...
 Ужъ нѣтъ работъ на огородѣ,
 Дожди идутъ, идутъ, идутъ...
 А было такъ тепло, пріятно,
 Такъ было ясно въ небесахъ,

Такъ было всюду ароматно
 И восхитительно въ лѣсахъ!
 Но дождикъ льетъ, похода хуже
 И холоднѣе съ каждымъ днемъ,
 Повсюду слякоть, грязь и лужи
 И мы гулять ужъ не идемъ.
 И грустно, грустно такъ, что даже
 Готовъ съ отчаянья рыдать.
 О, солнце милое, когда же,
 Когда засвѣтишь ты опять?

Кузничикъ.

ЗА ТАИНСТВЕННОЙ ДВЕРЬЮ.

(ПОВѢСТЬ).

(Продолженіе).

Въ нашемъ воображеніи мы уже давно привыкли къ тому, что за этой таинственной дверью обязательно должно было находиться что-нибудь красивое и что тамъ непременно должна была томиться взаперти какая-нибудь прекрасная принцесса, которую держалъ въ неволѣ злой старикъ. Не даромъ же мы начитались волшебныхъ сказокъ, а Нелли бредила ими даже во снѣ. Но то, что мы увидали, сразу же превысило наши ожиданія. Цѣлая струя свѣта, проходившія сквозь стеклянный потолокъ, положительно залили насъ и намъ сразу-же показалось, что мы, дѣйствительно, вошли въ пред-

дверіе какого-нибудь заколдованнаго дворца. Мы остановились, ослѣпленные, протирая глаза и въ удивленіи переглядываясь другъ съ другомъ. Что это? Неужели здѣсь, на самомъ дѣлѣ, было что-то волшебное, походившее на прекрасную сказку? Не бредили-ли мы? Не увидѣли-ли все это во снѣ? Не попали-ли сами въ герои сказки? Конечно, Нелли была въ этомъ убѣждена, но меня не легко было обмануть. Я, дѣйствительно, видѣла все это на яву и стала съ любопытствомъ разглядывать все, что меня окружало. Помѣщеніе, въ которое мы попали, было опрятно и просторно. Ярко блестѣли на-

тертые воскомъ паркетные полы, кругомъ стояли въ кадкахъ тропическія растенія, были разставлены кресла и диванчики, на которыхъ лежали вышитыя подушки. Но, не смотря на это, можно было съ перваго-же взгляда рѣшить, что это была только передняя и что жилыя комнаты шли далѣе, такъ какъ хитро замаскированная дубовая дверь съ зеркаломъ вела отсюда во внутренніе покои. Боря глядѣлъ на все, широко раскрывъ ротъ, а Нелли носилась, какъ угорѣлая, отъ диванчика къ диванчику и отъ цвѣтка къ цвѣтку.

— Какъ здѣсь хорошо! восклицала она.—Вѣдь я говорила вамъ, что здѣсь какое-нибудь волшебство! Обязательно здѣсь будетъ и несчастная принцесса!

Но я была самая старшая и потому должна была принять мѣры безопасности.

— Надо затворить за собою дверь, сказала я.—Вѣдь здѣсь свѣтлѣе, чѣмъ въ нашемъ саду. Кто-нибудь увидитъ сквозь деревья свѣтъ, придетъ сюда и помѣшаетъ намъ. А всего лучше было-бы ее за собою запереть.

— Да есть-ли съ этой стороны замокъ? спросилъ Боря.

Я вернулась къ двери и осмотрѣла ее.

— Замокъ есть! радостно воскликнула я.—Съ этой стороны онъ совершенно чистый и незагрязненный!

Я быстро вытащила ключъ изъ наружной скважины и всунула его съ внутренней стороны. Онъ легко повернулся, замокъ щелкнулъ и дверь заперлась.

— Такъ будетъ лучше! воскликнула я и возвратилась къ Нелли и Борѣ, которые все еще никакъ не могли сообразить, во снѣ они были или наяву.

Теперь я могла оглядѣться на свободѣ. Передняя, въ которую мы попали, имѣла стеклянный потолокъ, который куполомъ висѣлъ надъ нами на мраморныхъ колоннахъ. Вокругъ этого купола были вставлены цвѣтныя стекла, которыя были подобраны такъ искусно, что, проходя сквозь нихъ, солнце отражалось на мраморныхъ стѣнахъ въ видѣ громадной радуги. Это подѣйствовало на наше воображеніе больше всего. Достаточно было бѣлаго взгляда, чтобы убѣдиться, что помѣщеніе это было обитаемо. Не говоря уже о растеніяхъ въ кадкахъ, здѣсь было много цвѣтовъ въ горшкахъ, которые надо же было кому-нибудь поливать и земля въ которыхъ дѣйствительно была уже кѣмъ-то полита! Вокругъ мраморныхъ колоннъ вился плющъ, но на листахъ его не было ни одной пылинки. Замѣтили мы потомъ и нѣчто другое, а именно: мѣсто это несомнѣнно кѣмъ-то часто посѣщалось. Въ этомъ мы убѣдились по тому, что подъ однимъ изъ тро-

пическихъ деревьевъ, въ уголку, стоялъ маленькій письменный столикъ, на немъ лежали двѣ книги, изъ которыхъ одна была разрѣзана только до половины, и тутъ же стояла фарфоровая чернильница, въ которой были налиты свѣжія чернила.

— Тсс!.. сказала намъ Нелли, приложивъ пальчикъ къ губамъ и на цыпочкахъ подходя къ этому столику. — Здѣсь сидитъ сама наша принцесса. Вѣроятно, здѣсь она пишетъ письма къ своему возлюбленному и посылаетъ ихъ къ нему съ бѣлымъ голубкомъ, который влетаетъ къ ней сюда черезъ открытое окно!

— Но если здѣсь живутъ, возразила я, — то почему-же, со стороны нашего сада, такъ запущена вся стѣна и такъ заросла плѣсенью вся дверь. Почему была заперта эта дверь и ключъ отъ нея были зашвырнуть куда-то въ уголъ, въ грязный павильонъ?

— Я тебѣ говорю, что принцессу заперли здѣсь со стороны нашего сада! продолжала Нелли.

— Но почему же замокъ такъ сильно заржавѣлъ?

— Потому что ее заперли здѣсь уже давно-давно, лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ!

Эти вопросы въ первую минуту заняли наше воображеніе. Мы, дѣйствительно, не могли ихъ рѣшить. Наши дѣтскія головы слишкомъ были забиты сказками и всякой

фантастической чепухой, чтобы просто отнестись къ дѣлу. Но я все-таки стояла на своемъ.

— А я такъ думаю, рѣшила я наконецъ, — что здѣсь есть еще и другой какой-нибудь входъ! Что эта дверь не отворялась нѣсколько лѣтъ подрядъ, — я согласна, но тогда какъ же вносить сюда воду, чтобы поливать вотъ эти цвѣты? Давайте лучше поищемъ этого другого входа!

И въ эту самую минуту Боря громко закричалъ:

— Смотрите, смотрите! Здѣсь есть и другая дверь! Вотъ она!

Мы бросились къ нему и, дѣйствительно, увидѣли передъ собою ту самую дверь, о которой я упомянула выше.

— На ней и ручка! продолжалъ кричать Боря. — Смотрите, дверь движется!

При первомъ взглядѣ дверь эта была совершенно незамѣтной и ее можно было принять за простое зеркало, вдѣланное въ стѣну. Даже рама вокругъ него была изъ того же самага дерева, изъ котораго были сдѣланы и панели, вдѣланные въ мраморныя стѣны. Вотъ почему мы не сразу ее замѣтили.

Дверь отворялась слѣва направо, то есть двигалась въ стѣну, какъ это бываетъ въ вагонахъ трамваевъ. Боря ухватился за ручку обѣими руками и выдвинулъ ее. Передъ нами оказался длинный узкій коридоръ, уходившій куда-то въ глу-

бину и освѣщавшійся тоже черезъ стеклянный потолокъ. Здѣсь было еще больше таинственности. Мы всѣ трое столпились у двери и со страхомъ и въ то же время съ крайнимъ любопытствомъ стали вглядываться въ глубь. Въ самомъ концѣ корридора мы замѣтили другую дверь, въ которой вели нѣсколько ступенекъ.

— Пойдемте туда! — сказалъ Боря. — Чего бояться!

Мы тотчасъ вошли въ корридоръ, прошли его весь и поднялись по ступенькамъ къ двери. Мы взяли было за щеколду, рассчитывая, что передъ нами по шучьему велѣнью распахнется и она, но ошиблись въ своихъ расчетахъ: она оказалась запертой на ключъ и ключа въ ней не было.

— Какая жалость!... вздохнула Нелли. — Теперь мы больше ужъ не можемъ узнать ничего!..

— Чепуха! воскликнулъ Боря и навалился на дверь плечомъ.

Дверь была двухстворчатая и, хотя и была заперта на ключъ, но въ ней оказались незадвинутыми верхняя и нижняя щеколда, и она уступила давленіямъ Бори и дѣйствительно распахнулась.

— Входите! съ торжествомъ пригласилъ Боря.

Мы вошли. Передъ нами была небольшая прихожая, а отсюда вела слѣдующая дверь въ роскошную, великолѣпно, хотя и скупо, обставленную гостиную. Цѣлый

рядъ оконъ въ ней выходилъ на террасу, а въ одной изъ стѣнъ было еще одно громадное окно, а можетъ и дверь, — мы понять этого не могли, потому что оно было сплошь задернуто тяжелой занавѣской. Полъ былъ составленъ изъ мелкихъ кусочковъ различного дерева и былъ такъ гладко отполированъ, что въ немъ отражались окна, вся мебель и даже мы сами. Съ потолка спускалась громадная, раззолоченная люстра съ хрустальными висюльками. Мебель хотя и была роскошна, но ея было мало, отчего вся комната казалась холодной и неуютной. Не смотря на образцовую чистоту, можно было утверждать, что въ ней давно уже не жилъ никто. Но больше всего привлекъ къ себѣ наше вниманіе висѣвшій на стѣнѣ громадный портретъ какой-то прекрасной дамы, одѣтой въ бальное платье. Эта дама была нарисована на немъ въ натуральную величину и во весь свой ростъ. Она была очень красива и при первомъ же взглядѣ на него я и Боря въ одинъ голосъ, точно по командѣ воскликнули:

— Смотри, Нелли, какъ она похожа на тебя!

И мы долго еще смотрѣли то на нее, то на Нелли. А затѣмъ Боря наклонился и прочиталъ сдѣланную на портретѣ, въ лѣвомъ углу, надпись: „Евгенія въ день совершеннолѣтія“.

— И меня тоже когда-то звали

Евгеніей! воскликнула Нелли, въ удивленіи широко раскрывъ глаза. Можетъ быть, это какая-нибудь наша прабабушка?...

— Но вѣдь этотъ домъ не принадлежитъ нашему дѣдушкѣ! возразила я.

Но мы были тогда дѣтьми и долго не останавливались передъ разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ. То-ли дѣло было кататься, точно на конькахъ, по гладко-натертому полу или лазать и подпрыгивать, точно на кочеляхъ, на туго-пружинившихъ диванахъ и креслахъ. Вотъ этимъ мы занялись здѣсь вволю! Свои приключенія мы должны были признать уже оконченными, потому что далѣе идти было уже некуда, такъ какъ ведущая еще куда-то тяжелая, массивная дверь оказалась крѣпко запертой съ той стороны на ключъ и уже не поддавалась никакимъ усиліямъ Бори.

Поэтому мы рѣшили попусту не тратить времени и стали скользить по полу взадъ и впередъ и воображать, что мы были не въ комнатѣ, а на зимнемъ льду накаткѣ.

— А все-таки надо потолкаться въ эту дверь! не унимался Боря и то и дѣло подходилъ къ двери и напиралъ въ нее плечомъ.

— Да оставь! унимала я его.— Развѣ ты не видишь, что она заперта! Даже и не слышно за ней никого! Вѣроятно, здѣсь уже давно никто не живетъ!

— А, можетъ быть, эта дверь заколдована? опять возразила Нелли.— Развѣ не можетъ быть такъ, что наша принцесса каждую ночь выходитъ изъ этого портрета и гуляетъ по этимъ комнатамъ до захода луны? Кто знаетъ, быть можетъ ключъ отъ этой двери у нея въ карманѣ!

Я и Боря переглянулись. Нелли говорила что-то необыкновенное, что при окружавшей тогда насъ обстановкѣ захватило и насъ. А что если Нелли дѣйствительно была права? Все кругомъ было такъ странно, такъ необычно и таинственно, вездѣ царило такое молчаніе, что невольно и мы подчинились фантазіи Нелли и стали съ суевѣріемъ поглядывать на портретъ. Мнѣ даже показалось, что дама на немъ мигнула. И таинственность еще больше увеличивалась тѣмъ, что дама на портретѣ была страшно, поразительно похожа на нашу Нелли.

— Не будемъ ломать себѣ головы напрасно! рѣшила наконецъ Нелли.— Пусть эта дама будетъ нашей заколдованной принцессой и мы будемъ воображать себѣ, что она на портретѣ живая, что все это принадлежитъ ей и что она за нами наблюдаетъ. Поэтому давайте вести себя такъ, чтобы ей понравиться и чтобы она всегда была рада нашему приходу.

— А развѣ мы будемъ сюда ходить и въ слѣдующіе разы? спросилъ Боря.

Модница.

— Ну, конечно!

— А если кто-нибудь объ этомъ узнаетъ? Что тогда скажетъ нашъ дѣдушка?

— Какъ-же онъ сможетъ узнать? Входная дверь сюда заперта,

— А кто же поливаетъ цвѣты и вытираетъ со всего пыль?

Нелли на минуту смутилась.

— Ну, это дѣлаетъ вѣроятно какая-нибудь сторожиха! рѣшительно заявила она.

Проходя мимо портрета, Боря отвѣсилъ нарисованной на немъ дамѣ низкій поклонъ.

ключъ—у насъ, и кромѣ самой принцессы на портретѣ здѣсь нѣтъ больше ни души.

— Такъ ты думаешь, что здѣсь никто не живетъ?

— Конечно, никто!

— А нужно-ли сказать объ этомъ нянѣ или Аннѣ Андреевнѣ? спросила я.

Мы задумались. Скрывать что-нибудь отъ старшихъ было не въ нашихъ правилахъ, мы были не

такъ воспитаны, и потому отнеслись къ этому весьма серьезно.

— Я такъ думаю, сказала Нелли,—что мы должны обо всемъ рассказать дѣдушкѣ, когда онъ сюда опять придетъ. Что-же касается тети или Анны Андреевны, то...

— То онѣ могутъ объ этомъ ничего и не знать! договорилъ за нее Боря.

На этомъ мы и порѣшили. А затѣмъ мы вспомнили, что пора была уже возвращаться домой и что насъ могли-бы хватиться и начать искать, и потому съ сожалѣніемъ повернули назадъ и направились къ выходу. Проходя мимо портрета, Боря отвѣсилъ нарисованной на немъ дамѣ низкій поклонъ.

— Мерси, принцесса, за гостепріимство! сказалъ онъ. — Но ты не скучай! Мы придемъ къ тебѣ еще не разъ!

Мы вышли изъ нашего таинственного замка, плотно затворили за собою входную дверь и заперли ее на ключъ. Передъ уходомъ домой мы долго совѣщались, какъ поступить съ ключемъ.

— Знаете, что? обратилась я къ Нелли и къ Борѣ.—Давайте спрячемъ его въ павильонѣ подъ диванъ! Тамъ его не найдетъ никто!

Нелли и Боря согласились со мной и мы отправились въ павильонъ и тамъ Боря подлѣзъ подъ диванъ и куда-то засунулъ подъ

нимъ драгоценный ключъ. Теперь этотъ ключъ былъ нашъ и мы не отдали-бы его никому на свѣтъ.

Всѣ слѣдующіе затѣмъ дни мы были очень счастливы. Наша дѣтская жизнь была наполнена и мы только и думали о томъ, какъ-бы поскорѣ попасть въ нашъ милый заколдованный замокъ, какъ мы прозвали потомъ открытое нами таинственное помѣщеніе. Мы ложились съ мыслью о нашей фантастической принцессѣ, которая обязательно должна была въ нашемъ воображеніи выходить по ночамъ изъ своей рамы и съ тоской заглядывать въ окна въ томительномъ ожиданіи, не ѣдетъ-ли за нею молодой принцъ,—и вставали утромъ съ желаніемъ какъ можно скорѣ отдѣлаться отъ всего и бѣжать къ знакомой двери, заросшей бурьяномъ и кустарникомъ. Мы совершенно перестали сидѣть дома и няня только удивлялась на насъ, какъ это мы цѣлые дни могли проводить гдѣ-то въ дальнемъ углу парка и приходить домой только затѣмъ, чтобы поѣсть.

— Ну, ничего, ничего, теперь лѣто, говорила она.—Играйте себѣ на здоровье! Придетъ зима, такъ насидитесь еще взаперти!

Круглая передняя съ колоннами и со стекляннымъ колпакомъ, узенькій корридоръ и затѣмъ гостиная съ портретомъ принцессы сдѣлались нашимъ любимымъ мѣстопробываніемъ. Здѣсь насъ никто

не беспокоили, никто не мешалъ намъ играть—и за все время нашихъ посѣщеній этого покинутого жилища мы ни разу не слышали въ немъ ни малѣйшаго подозрительнаго шороха или звука. Мы такъ уже свыклись со своимъ положеніемъ, что даже и не обращали уже ровно никакого вниманія на ту дверь, которая вела изъ гостиной во внутренніе покои и была всегда заперта. Точно ея вовсе и не существовало для насъ. Даже больше; этотъ таинственный „замокъ“ мы стали считать своимъ, своею собственностью, и лишиться его теперь для насъ было-бы громадной, непоправимой потерей. Мы разъ или два подергали за эту дверь, она не отперлась,—и мы успокоились. Она была заперта и этого для насъ было довольно: значитъ, рѣшили мы,—по ту сторону ея не было ничего и весь насъ волшебный міръ ограничивался только этими передней, корридоромъ и гостиной. Но тѣмъ не менѣе для насъ было ясно, что кто-то здѣсь жилъ или кто-то приходилъ сюда по временамъ, чтобы со всего стереть пыль и полить цвѣты. И по особымъ, внѣшнимъ признакамъ, которые могли примѣтить только маленькія дѣти, да развѣ, пожалуй, сыщики, мы съ точностью опредѣлили, что это живое существо являлось сюда только по утрамъ и всего только два раза въ недѣлю.

— Я вѣдь говорила вамъ, что это простая служанка или сторожика! воскликнула Нелли.—Вотъ по моему и вышло.

— А можетъ быть это какой-нибудь мужчина или гномъ! возразилъ Боря.

Но его возраженіе не показалось намъ существеннымъ—и мы скоро объ этомъ позабыли.

Сколько помню, мы были вообще очень милыми дѣтьми: мы не ссорились, не кричали, ничего не портили и всегда наблюдали около себя порядокъ и чистоту. Но здѣсь мы старались держать себя еще лучше. Мы знали, что на насъ всегда глядѣла съ портрета наша принцесса, и всей душой хотѣли ей понравиться.

— Вѣдь это такая честь для насъ, говорила Нелли,—бывать здѣсь! Мы должны это цѣнить. Не всякому удастся попасть въ заколдованный замокъ!

И наше воображеніе такъ уже сильно было настроено, что при взглядѣ на портретъ, намъ уже стало казаться, что нарисованная на немъ дама улыбалась намъ и мигала глазами.

— Смотрите, она обижается! говорили мы другъ другу.—Или:—Смотрите, ей пріятно, что мы здѣсь не шумимъ!

Когда намъ надоѣдала выдуманная нами-же исторія о томъ, что эта дѣвушка или женщина заключена здѣсь какимъ-то волшебни-

комъ-старикомъ и со дня на день поджидаетъ, когда освободить ее отсюда ее возлюбленный молодой рыцарь, то мы воображали себя здѣсь въ гостяхъ, старались говорить однѣ только любезности и выражаться только изысканнымъ языкомъ. Иногда мы приносили съ собой наши книги, краски или какую-нибудь другую дѣтскую работу и цѣлые часы просиживали около портрета молча, или-же читая вслухъ. Дождливые дни были положительно для насъ невыносимы: мы должны были въ нихъ сидѣть дома, такъ какъ няня не выпускала насъ на сырость, но сообщить ей нашъ секретъ, сказать ей, что мы все время будемъ находиться въ уютномъ домѣ, подъ крышей,—мы не могли. За то, когда дождь переставалъ, то мы, какъ вырвавшіяся на свободу птички, летѣли къ нашему любимому мѣстопребыванію, и, войдя въ гостиную, становились передъ портретомъ, кланялись нашей милой принцессѣ и не могли на нее наглядѣться. Мы такъ полюбили ее, что уже разговаривали съ нею вслухъ, и были бы несказанно обрадованы, если-бы она вдругъ вышла изъ своей рамы и заговорила съ нами сама.

— Вотъ если-бы это когда-нибудь случилось! мечтала Нелли.

— Да... говорилъ и Боря.—Воображаю, сколько-бы интереснаго она намъ рассказала!

Мечтала объ этомъ и я. Мы были одиноки, росли одни, и мнѣ всегда такъ сильно хотѣлось имѣть какую-нибудь добрую тетю или бабушку, съ которыми я могла-бы поговорить и которыя заполнили-бы въ моемъ сердцѣ пустое мѣсто, образовавшееся послѣ смерти мамы и такъ и остававшееся незанатымъ никѣмъ. И полная думъ о возможности такого счастья, я иногда не могла себя пересилить и глубоко вздыхала.

— Вотъ если-бы у насъ была такая тетя, какъ эта дама! воскликнула я, указывая на портретъ.—Какъ-бы это было хорошо!

— А еще лучше, если-бы у насъ была такая мама, возражала Нелли.—Я бы очень ее любила!

И мы, сироты, начинали вслухъ мечтать о невозвратимомъ для насъ счастьѣ имѣть родную маму и чѣмъ долѣе мы мечтали, тѣмъ дама на портретѣ становилась для насъ все дороже и дороже, и кончилось тѣмъ, что безъ портрета мы не могли уже и жить.

— Что это подѣлалось съ нашими дѣтьми? удивлялась, глядя на насъ, Анна Андреевна. — Они стали въ послѣднее время какія-то задумчивыя, часто вздыхаютъ, о чемъ-то перешептываются... Ужь здоровы-ли они?

— Это они соскучились по дѣдушкѣ... отвѣчала няня.—Ну, ничего!.. Онъ скоро пріѣдетъ!.. Теперь уже скоро!

Мы грустно улыбнулись, слушая эти слова. Мы любили нашу няню, но развѣ могла-бы она насъ понять? Что, если-бы у насъ была родная мама! Съ какимъ-бы наслажденіемъ, съ какимъ трепетомъ мы бросились-бы ей на шею и рассказали-бы ей все, все, все!..

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наказанный.

ТУМАНЪ.

СКАЗКА.

Солнце сѣло.

Закричали лягушки и раскричались такъ, что, казалось, ихъ крику не будетъ и конца. Пчела возвратилась къ себѣ въ улей. Дѣтишки стали плакать, что ихъ скоро отправятъ спать. Цвѣты свернули свои листки и поникли головками. Птички спрятали свои носики подъ крылышки и умолкли. Овцы легли на росистую траву на лужайкѣ и задремали. Далеко на деревенской колокольнѣ сторожъ пробилъ часы; лавочникъ заперъ свою лавку и съ ключами въ рукахъ вдоль селенія прошелъ къ себѣ домой; кое-кто сидѣлъ еще у себя на порогѣ и отдыхалъ отъ дневныхъ трудовъ, да двое или трое молодыхъ людей прогуливались вдоль дороги, воспользовавшись вечернею прохладой.

Но вотъ успокоились и они и на землю спустилась темнота. Всѣ заснули. Только у батюшки да у учителя еще и свѣтился въ окнѣ огонекъ. Но въ избахъ у крестьянъ было уже темно, потому что было лѣто, они вставали вмѣстѣ съ солнцемъ и рано ложились спать. Высоко на небѣ засвѣтились звѣзды и изъ-за лѣса выплыла величавая луна. Залаяли собаки. Но онѣ лаяли отъ нечего дѣлать, такъ какъ не на кого было и лаять.

Съ земли поднялся туманъ и медленно оглядѣлся по сторонамъ.

— Здѣсь есть кто-нибудь? спросилъ онъ.

Никто ему не отвѣтилъ. Кругомъ не было никого.

Тогда туманъ сталъ сильнѣе развертывать свое покрывало и, размахивая имъ, точно крыльями, сталъ плавно прохаживаться туда и сюда, всходить на пригорки и спускаться съ нихъ внизъ. Иногда онъ задумывался и останавливался на одномъ мѣстѣ на минуту, а затѣмъ снова отправлялся на прогулку. Но болѣе всего ему нравилось гулять по берегу озера и въ лѣсу, гдѣ на влажныхъ прогалинахъ онъ становился на цыпочки и поднималъ свою вуаль такъ высоко, что цѣплялся ею за вѣтки деревьевъ.

— Кто ты? спросила его ночная фіалка, поднявъ свою головку изъ травы и тряхнувъ ею такъ, что во всѣ стороны на далекое пространство потянулся отъ нея ароматъ.

Туманъ не обратилъ вниманія на ея вопросъ и поплылъ далѣе.

— Я тебя спрашиваю, кто ты? повторила ночная фіалка.—И если ты мнѣ не отвѣтишь, то я буду считать тебя невѣждой.

— Молчи! отвѣтилъ ей туманъ.— А то я сейчасъ закрою тебя своимъ

покрываломъ и ты промокнешь до костей!

И онъ набросилъ на фіалку свою бѣлую вуаль и всѣ ея листки вдругъ стали мокрыми, какъ послѣ дождя.

— Какой ты не хорошій... говорила она.—Вѣдь я только спросила тебя, кто ты такой?

Туманъ отошелъ къ сторонѣ.

— Кто я такой? отвѣтилъ онъ.— Все равно ты не поймешь, даже если бы я тебѣ и сказалъ.

— А ты попытайся!

— Я — роса на цвѣтахъ, я — облако на небѣ и туманъ на лугу.

— Вотъ такъ сказалъ! воскликнула фіалка.— А, ну-ка повтори еще разъ! Я знаю, что такое роса, потому что каждое утро она появляется у меня на лепесткахъ, но она вовсе не похожа на тебя.

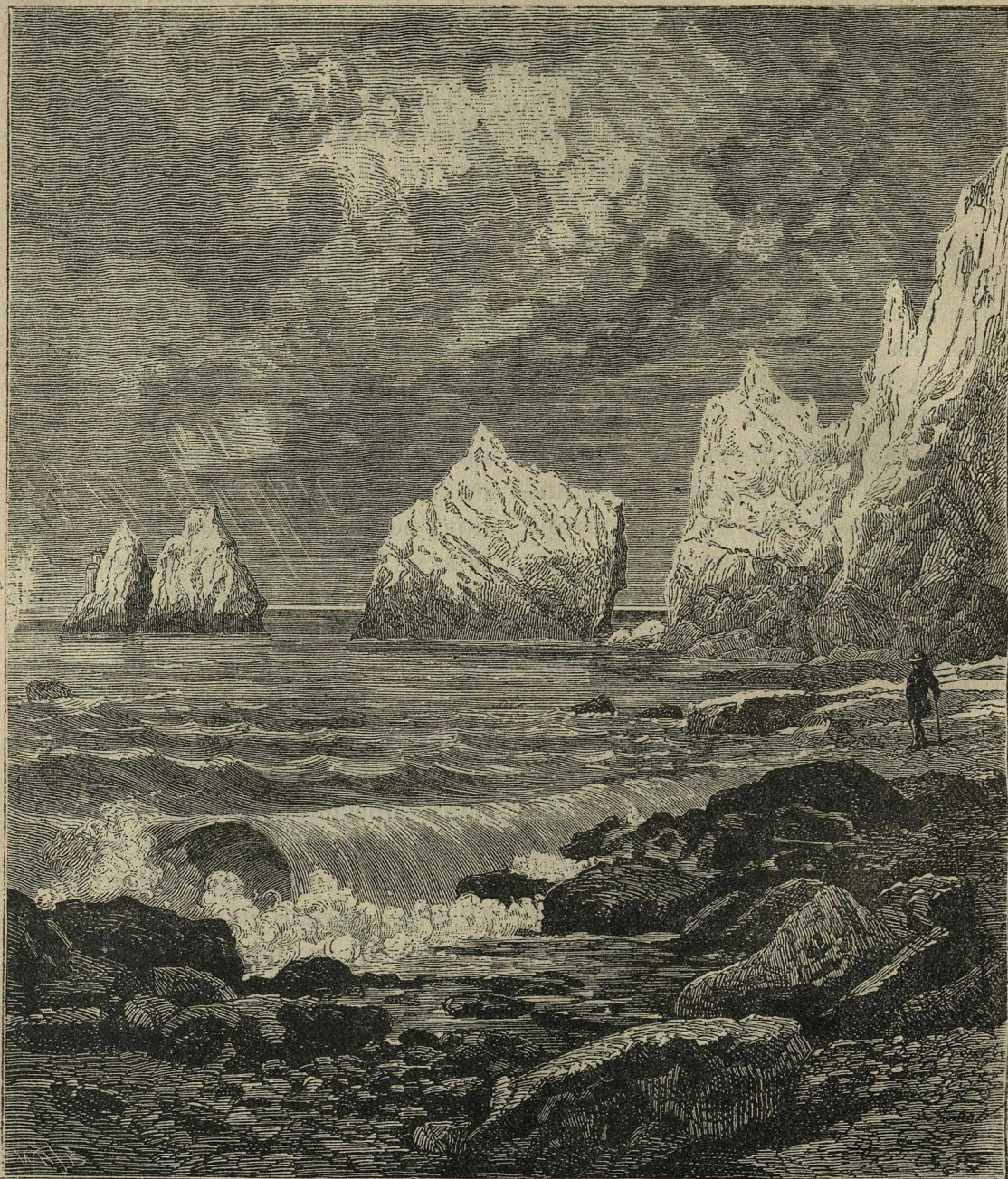
— И все-таки роса—это я, продолжалъ туманъ.—Иногда бываетъ такъ, что меня даже никто и не видитъ, а я хожу около и все сухое дѣлаю влажнымъ. Я умѣю показываться въ разныхъ видахъ и принимать различныя формы. Я появляюсь то въ видѣ росы, то въ видѣ дождя, а иногда я свѣжей струей тянусь вдоль лѣса и тогда дѣтямъ становится холодно, они пожимаютъ плечами и бѣгутъ скорѣе домой. Но стоитъ только наступить вечеру, какъ я не боюсь уже никого и появляюсь открыто, закутавшись въ свое бѣлое покрывало.

— Вотъ такъ исторія! восклик-

нула ночная фіалка.— Сядь-ка около меня, и Расскажи мнѣ, какъ это ты все дѣлаешь? Я вѣдь не буду спать всю ночь!

Туманъ перекинулъ покрывало себѣ черезъ плечо, но такъ, что оно зацѣпилось за вѣтви ближайшаго кустарника, и началъ свой рассказъ.

— Я родился подъ землею, сказалъ онъ,—на такой глубинѣ, куда уже не достигають корни ни отъ одного растенія. При первомъ-же появленіи моемъ на свѣтъ я былъ источникомъ, свѣтлымъ, какъ хрусталь, и долгое время находился подъ землею, въ неизвѣстности для всѣхъ. Такъ прошло много-много лѣтъ, въ теченіи которыхъ я все пробивался къ солнцу. Но вотъ я собрался наконецъ съ силами и прорвался на Божій свѣтъ. Я выскочилъ у подножія холма и побѣжалъ впередъ, радуясь, что увидалъ прекрасное, яркое солнце. Если-бы ты знала, какъ мнѣ пріятно было пробѣжать черезъ лѣсъ! Я сталъ весело перепрыгивать на своемъ пути черезъ камушки и карабкаться на бережокъ. Рыбки обрадовались мнѣ, прыгнули въ меня и стали играть въ моихъ струяхъ. Деревья ласково склонили надо мной свои вѣтви, и я въ благодарность попросилъ ихъ смотрѣться въ меня, какъ въ зеркало. А когда они сбрасывали въ меня свои листья, то я подхватывалъ ихъ и старался унести ихъ

На пустынномъ берегу.

У окошка.

съ собой. Иногда эти листочки за-
тѣвали игру: старались перетнать
другъ друга и я помогаль одному
изъ нихъ бѣжать скорѣе, чѣмъ
другимъ. Это было такъ интересно!
Это было самое счастливое время
моей жизни.

— Но какъ же ты сдѣлался
вдругъ туманомъ? съ нетерпѣніемъ
спросила ночная фіалка. — Я и
безъ тебя знаю, что такое ручеекъ.
Когда все стихаетъ, то я слышу
издалека его шумъ.

Туманъ закутался въ свое по-
крывало, прошелся взадъ и впе-
редъ, чтобы размять свои члены,
а затѣмъ снова возвратился къ
фіалкѣ и сталъ продолжать свой
разсказъ.

— Все несчастье въ томъ, на-
чалъ онъ, — что никто никогда не
бываетъ долго доволенъ тѣмъ, что
имѣетъ. Мнѣ надоѣло течъ поти-
хонечку, я сталъ бѣжать все бы-
стрѣе и быстрѣе, затѣмъ понесся
во весь духъ и вдругъ неожидан-
но для себя вбѣжалъ въ какой-то
большой прудъ, на которомъ росли
кувшинки и надъ ними летали
темно-синія стрекозы. На поверх-
ности этого пруда было такъ спо-
койно, что онъ походилъ на боль-
шое зеркало, я спустился на са-
мую его глубину и сталъ жить
тамъ въ зеленомъ полумракѣ между
водяныхъ растений. Но мнѣ такъ
хотѣлось снова увидеть солнечные
лучи! Я ихъ уже зналъ и такъ
ихъ полюбилъ, пока тѣкъ черезъ

лѣсъ въ видѣ ручья! Они часто
проглядывали ко мнѣ сквозь листву
деревьевъ и любили сверкать на
поверхности пруда, точно распла-
вленное золото! Я хотѣлъ ихъ сно-
ва увидѣть, сталъ желать ихъ и
для этого сталъ выплывать иногда
на поверхность пруда и тогда на
меня глядѣло яркое солнце и я
посылалъ ему мои поцѣлуи изъ-за
бѣлыхъ кувшинокъ и ихъ широ-
кихъ, плоскихъ листьевъ, плашмя
лежавшихъ на водѣ. Но увы! Солнце
свѣтило такъ ярко и грѣло такъ
жарко, что скоро мнѣ пришлось
раскаяться въ томъ, что я выныр-
нулъ изъ глубины на поверхность
пруда.

— И все-таки я не понимаю,
прервала его ночная фіалка, — ка-
кое это имѣетъ отношеніе къ ту-
ману?

— А вотъ слушай далѣе! отвѣ-
чалъ туманъ и въ досадѣ на то,
что его прервали, снова осѣлъ на
листья фіалки.

— Да я уже и такъ мокра, какъ
кураца! обидѣлась на него фіалка. —
Сойди съ меня и сядь въ сторонѣ.
Вотъ такъ! Теперь продолжай свой
разсказъ!

— Вечеромъ, когда солнце скры-
лось, снова началъ туманъ, — я
вдругъ почувствовалъ въ себѣ
какую-то странную легкость. Я не
знаю, какъ это случилось, но я
помню отлично, что когда я гля-
дѣлъ на солнце и оно грѣло меня
своими лучами, то я сталъ те-

плымъ. Когда же оно сѣло и въ воздухъ стало прохладно, то я вдругъ сталъ похожимъ на воздухъ, отдѣлился отъ поверхности пруда и полетѣлъ. Сначала я леталъ тутъ-же, надъ прудомъ, между кувшинокъ и стеблей осоки и камыша, а затѣмъ набѣжалъ вечерній вѣтерокъ и погналъ меня передъ собою такъ, что я скоро оказался высоко надъ лѣсомъ. Здѣсь я встрѣтился съ туманами съ другихъ прудовъ, которые точно такъ-же, какъ и я, высунулись изъ глубины на ихъ поверхность, согрѣлись на солнцѣ и полетѣли. Теперь всѣ мы были легки, какъ воздухъ, и скоро помчались къ самому небу. Изъ насъ сдѣлались облака.

— Какой вздоръ! воскликнула фіалка. — Ну, гдѣ-же это видано, чтобы изъ капель воды вдругъ дѣлались облака?

— Нѣтъ, не вздоръ, обидѣлся туманъ. — Это ты говоришь такъ потому, что ты не человѣкъ! Еслибы ты была человѣкомъ, то сразубы это поняла. Но слушай далѣе. Когда мы превратились въ облако, то вѣтеръ погналъ насъ куда-то далеко. Мы надулись, какъ парусъ, и летѣли такъ скоро, что насъ не могъ-бы догнать и самый быстрый поѣздъ, на которомъ ѣздить люди на землѣ. По дорогѣ мы встрѣчали другія облака, съ которыми соединялись, и такимъ образомъ составили изъ себя одну большую тучу. Долго мы летѣли такъ въ

видѣ тучи, какъ вдругъ на насъ подулъ такой холодный вѣтеръ, что мы озябли и стали плакать.

— Не дуй на насъ такъ сильно и рѣзко, обратились мы къ нему, — а то мы всѣ превратимся отъ холода въ слезы!

Но онъ не послушалъ насъ и задулъ еще сильнѣе.

Намъ стало холодно. Наши слезы въ видѣ дождя, крупными каплями вдругъ стали опять падать на землю. Я плакалъ такъ сильно, что весь сошелъ слезами и снова весь очутился на землѣ. Цвѣты закрыли свои лепестки, всѣ птицы спрятались по своимъ гнѣздамъ. Только одни гуси и утки были довольны, что я полилъ ихъ своими слезами. Увидавъ меня, изъ избы выбѣжалъ крестьянинъ и сталъ креститься. — „Теперь у насъ уродится хлѣбъ!“ сказалъ онъ. — „Теперь мы будемъ сыты и богаты!“

— Такъ, значитъ, ты превратился въ дождь! воскликнула фіалка. — Теперь я понимаю! Я тоже очень люблю, когда меня обрызгиваетъ дождь...

Туманъ всколыхнулъ своимъ покрываломъ и глубоко вздохнулъ.

— Съ тѣхъ поръ я не вѣдаю ни минуты покоя, сказалъ онъ. — Какъ только я упалъ тогда съ неба въ видѣ дождя, я просочился сквозь землю и обрадовался было, что снова возвращусь къ себѣ на ро-

дину, гдѣ я когда-то жилъ въ видѣ подземнаго ключа; но ожиданія мои были напрасны. Какъ только я просочился сквозь землю, такъ тотчасъ-же всѣ растенія впитали меня въ свои корни и понесли по своимъ стеблямъ и по стволамъ до самыхъ кончиковъ листьевъ. А когда наступилъ вечеръ, то всѣ цвѣты и деревья вздохнули свободно и выдыхнули меня изъ себя. И я опять сталъ туманомъ. Теперь я всю ночь прогуляю на землѣ, а когда настанетъ утро и взойдетъ солнце, то я опять превращусь въ брилліантовые капельки росы и повисну на листьяхъ растеній и на цвѣтахъ. Набѣжитъ вѣтерокъ, стряхнетъ съ нихъ меня и я снова упаду на землю и просочусь въ нее. И если меня не подхватитъ по пути корень какого-нибудь растенія, то я быть можетъ и доберусь когда-нибудь до того мѣста, гдѣ когда-то родился въ глубинѣ земли, чтобы затѣмъ снова пробиться изъ горы въ видѣ ручейка, снова пробѣжать черезъ лѣсъ, упасть въ прудъ, снова испариться въ тучу и затѣмъ снова пролиться на землю въ видѣ дождя... И такъ будетъ продолжаться всю мою жизнь.

— Довольно! прервала его рассказъ ночная фіалка. — Мнѣ надоѣло тебя слушать.

Въ это время въ травѣ зашевелилась лягушка. Она вытянула

свои лапки и прыгнула въ канаву, чтобы принять свою утреннюю ванну. Птички стали перекликаться въ лѣсу. Замычали стада. На востокъ загорѣлась заря, и изъ-за лѣса показалось ласковое солнце. Увидавъ туманъ, солнце покраснѣло и сказало:

— Какъ? Ты еще здѣсь? Ты хочешь помѣшать мнѣ свѣтитъ? Маршъ сейчасъ-же! Утренній вѣтеръ, чего-же ты глядишь? Просыпайся скорѣе и прогони съ земли туманъ!

И вѣтерокъ проснулся на дремавшемъ луку и однимъ дыханіемъ прогналъ съ поля туманъ. Солнце ласково освѣтило ночную фіалку.

— А вотъ и солнышко! воскликнула она. — Теперь я могу раскрыть свои лепестки! Но гдѣ-же туманъ?

— Я здѣсь! вдругъ слышался откуда-то голосъ.

Ночная фіалка оглядѣлась и увидала на себѣ росу. Это кричала ей роса.

— Ахъ, вотъ гдѣ ты! весело воскликнула она и стряхнула съ себя росу на землю.

А солнышко уже поднялось высоко и радостными лучами отвѣчало на привѣтствія птичекъ, цвѣтовъ и деревьевъ. Оно испарило росу въ туманъ, а вѣтеръ погналъ его куда-то далеко-далеко за тридевять земель.

Туманъ, гдѣ ты?

Съ датскаго по К. Эвальду.

1. В понедельник, в магазин Жоржа будет распродажа. Это хорошо. Надо уехать пойти.

2. Поместив объявление в газетѣ, Жоржъ сталъ готовиться къ распродажѣ.

3. В это время изъ Африки пріѣхало почтенное семейство негровъ и —

4. Остановилось в гостиницѣ надъ магазиномъ Жоржа

5. Прочитавъ объявленіе о распродажѣ, публика стала сходитьсѣ.

6. Увидѣвъ, въ окшкахъ негровъ, она заинтересовалась ими.

7. Подумали, что это Жоржъ нарочно пригласилъ негровъ, чтобы побольше привлечь покупателей.

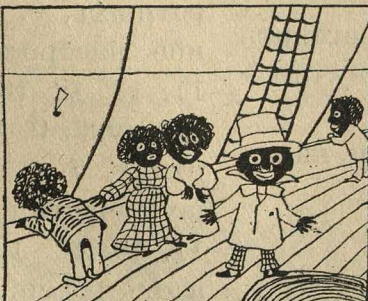
8. Стали дразнить негровъ, а они передъ публикой въ долгу не остались.

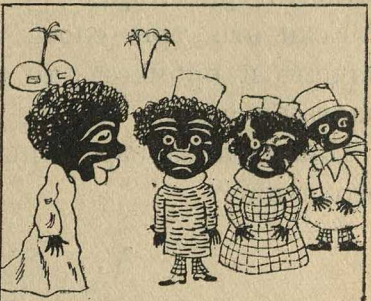
9. Началось настоящее побоище. Негры вышвырнули на публику все, что можно.

10. Кончилось дѣло тѣмъ, что негровъ забрали въ участокъ.

11. А затѣмъ на кораблѣ ихъ выселили на родину.

12. — Ну, какъ вамъ понравились европейцы? спросили ихъ, когда они возвратились домой.
— Совсѣмъ еще дикари! — отвѣтили негры.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Какіе камни находятся на днѣ Чернаго моря, какіе на днѣ Волги и какіе въ Аральскомъ морѣ?

„У меня нѣтъ братьевъ и сестеръ, но отецъ этой дѣвочки есть сынъ моего отца“.

Чей это былъ портретъ?

II.

Что въ городѣ Житомирѣ находится на самомъ первомъ мѣстѣ, а въ Воронежѣ на послѣднемъ?

VI.

Двѣ коровы стояли на лугу—одна мордой на востокъ, а другая мордой на западъ. Какъ онѣ могли видѣть одна другую, не поворачивая головъ?

III.

Какія рубашки состоятъ изъ однихъ только мѣстоименій?

VII.

Названія двухъ большихъ городовъ поставлены рядомъ и состоятъ, оба вмѣстѣ, изъ шестнадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16.

Задуманы три слова, означающія: 1) то, безъ чего немислимо окно; 2) часть скелета позвоночныхъ и 3) домашнее животное.

Первая и послѣдняя буква каждаго изъ этихъ словъ должны составить три слога.

Если эти три слога поставить рядомъ и прочесть, то получится названіе птицы.

Какія слова задуманы и какаѣ это птица?

Буквы 3. 2. 10. 11. 4. 14 означаютъ хищную птицу, 4. 5. 6. 3. 16—напитокъ, 1. 14. 3. 4. 6—смѣшной нарядъ, 12. 10. 6. 15. 16—бѣдствие, 3. 4. 11. 9. 16—стадо животныхъ, 9. 11. 3. 4. 14—непріятное настроеніе духа, 5. 11. 3. 9. 11. 13. 12. 16—радостное настроеніе духа, 9. 8. 9. 8. 11. 8. 5. 16—птицу, 7. 8. 3. 2. 4. 13—мельчайшую частицу земнаго шара, 15, 11. 10. 11. 12. 6—то, что связываетъ людей, 1. 6. 9. 10. 2. 3. 16—названіе моряка, 15. 13. 11. 5. 16—то, что даетъ тепло, 4. 2. 10. 11. 5. 14—

V.

Одинъ господинъ, показывая гостямъ портретъ дѣвочки, сказалъ:

рогатое животное, 7. 14. 10. 6. 15. 15. 16 — учреждение, необходимое въ городахъ, 9. 10. 14. 5. 6 — то, что украшаетъ землю, 9. 11. 7. 2. 13. 16 — плотничій инструментъ, 9. 11. 5. 6. 10. 16 — принадлежность лавки и магазина, 3. 6. 1. 2. 5. 14. 13. 16 — принадлежности каждаго русскаго хозяйства.

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 20, помѣщенныхъ въ № 19 „Золотою Дѣтства“.

Головоломки: I. ... коро+ва (корова), ...со+бака (собака), ...овцы, ...о+сель (осель), ...воль, ...ко+шка (кошка), ...ко+за (коза), ...теля+та (телята). II. 1) За столами, 2) по льду, 3) по книгѣ, 4) другой апельсинъ, 5) сегодня, завтра, послѣзавтра, вчера и позавчера. III. Солонина, лицо, село, лососина, сани, лисица, коса, окно — колесница. IV. Нога, бакъ, ликъ; минога, табакъ, валикъ; Митава. V. Буквы «м» и «а».

Ребусъ № 20: На+сту+пила+молоть+ъ+баржи+и въ е+село+зап+ели+дѣв+ушки= — Наступила молотьба ржи и весело запѣли дѣвушки.

Вѣрные рѣшенія прислали: М. Шубинъ, Л. Рахманова, В. Миронова, Т. Выгодскій, И. и Н. Гаусманъ, Н. Пронина, А. Ширинкинъ, З. Торканъ, С. Андабурскій, З. Романовская, С. Николаева, В. Бабелянцъ, Б. Бальсонъ, Г. Кулеменко, С. и Л. Воронья, И. Зуйкина, О. Климова, В. В. и Ф. Саввонъ, Н. Анисимова, А. Смоленскій, В. Казнакова, Т. Бернацкая, А. Порадовскій, О. Прополянись, Т. и О. Рябовы,

С. и Я. Слуцкія, В. Смирновъ, З. Нутрихина Л. и М. Кузнецовы, Ида В., Л. Мазель, И. и Л. Кацауровы, Дѣти Сутугины, Б. Заксъ, Л. Бобылевъ, И. Бельбокъ, Л. Чудинова, С. Звѣрева, А. и И. Мизрохъ, Ф. Зильбергъ, И. и Н. Гаусманъ, С. Петрова, Б. Шляпинъ, Н. Пономарева, И. Зуйкина, А. Услаль, В. Нейвеллеръ, Ж. Сарачинскій, Мягковъ, Н. Педина, Т. Пальмскій, Г. Смоленскій, Т. Попова, П. Ольшанскій, С. Герусъ, М. Бабенко, Л. и В. Дмитриевы, Ж. Лебедева, Г. Жудро, Д. Михеева, С. и М. Гавриловы, Э. Кузнецовъ, А. Храповъ, В. и К. Курищенко, Т. Бирюлькина, К. Мольскій, К. Бутовская, Е. Арнольдова, К. Добромыслова, Т. Лалаева, Н. Кольо, С. и П. Темировы, М. Ясинская, Л. Сутугина, В. Бушъ, Т. и Н. Новиковы, В. Домашевъ, Т. и Р. Моисеевы, Г. Устьянцевъ, И. Филипповъ, К. Корейша, П. Костровъ, Н. Воеводина, М. И. и Ю. Петропавловскія, Гришутикъ и Оксаночка, В. Нейвеллеръ, Т. и С. Лавскіе, Л. и Ю. Шейнъ, Л. Новицкая, Гизатулинъ, В. Казнакова, Н. Яроцкій, Т. Лалаева, В. Ляндзбергъ, С. Сапфирова, В. Гуленко, Л. и А. Кегресъ, Н. Губаръ, С. Николаева, В. Микеровъ, Л. Пятовъ.

Ребусъ № 22.

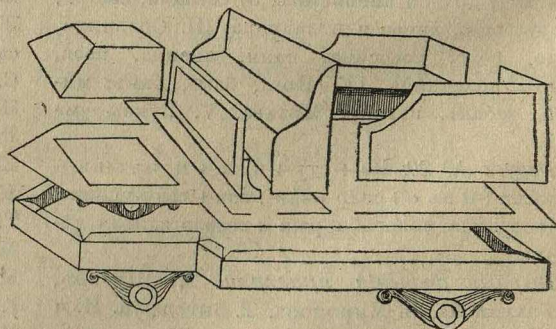
(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

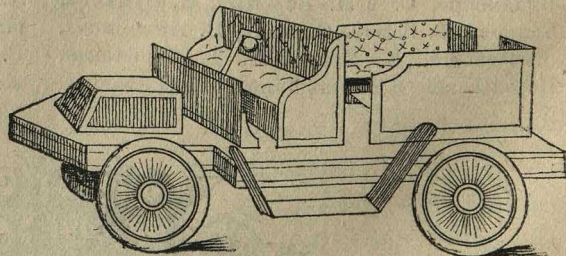
съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Дожка“.
2. „Въ хеволь“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

Способъ склеиванія.

Модель приложенія къ этому номеру.

100

Годъ девятый.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ списки въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ марками. Перемѣнять адресъ можно простымъ письмомъ.

Не забудьте сообщать при этомъ и старый Вашъ адресъ.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

4 р. 80 к.